

ВЕРОВАНИЯ, РЕЛИГИИ, ЦЕРКВИ

Э. А. Шуленова

«Старая вера» и официальная церковь в контексте государственной политики императорской России

Аннотация: в статье представлены взаимоотношения старообрядческой и официально-православной церкви в России в XVIII – начале XX в. В ней анализируется процесс изменения положения староверов в системе общественных отношений страны, дается характеристика последних работ, посвященных как реформе православной церкви, так и месту староверов в духовной и социальной жизни России.

Ключевые слова: русский суперэтнос, православие, «старая вера», старообрядцы, Богородск, официально-православная церковь, реформа Александра II, законодательные акты.

Отечественная история свидетельствует о том, что в России практически всегда видение исторических процессов определялось значимостью института власти, государства, что исключало должное внимание ко многим пластам человеческого опыта (к истории и роли городов, этносов, личностей и др.). Отсутствие должного интереса к субкультурной стратификации – следствие политической истории России, в которой интенсивное развитие городской культуры нередко уступало жесткой линии государства.

В пространстве русского православия сформировался и активно развивался такой историко-культурный феномен, как русский суперэтнос. Его многокольцевое расположение вокруг Москвы стало особенно заметным в XVIII в. На этой территории к началу XVIII в. насчитывалось 15 тыс. церквей. Наибольшей плотности церковная система достигала в патриаршей области – в Москве и вокруг нее: здесь на 1 тыс. кв. км приходилось более 30 церквей¹. Города этого «месторазвития» становились центрами социокультурной трансляции русского исторического опыта, где высокая элитарная культура (церковная) соседствовала с обыденной этнографической культурой крестьян и городских низов, совме-

щавших языческие традиции с православно-христианским укладом жизни.

В Богородске как одном из православных городов России особое место заняла старообрядческая культура, располагавшая немалым запасом жизненных сил. Она была ориентирована на строгое соблюдение свода правил Российской империи и «грамматику жизни» родственных общин. О роли старообрядчества как специфического русского явления за почти 350 лет сказано и написано достаточно много. Широко известно влияние старообрядчества на сохранение русских традиций, открытия для русского образованного общества сокровищ древнерусской иконописи, роль в сохранении целых библиотек древних рукописей и старопечатных книг, уникальных традиций знаменного пения, самих основ понимания старорусского национального характера. Но то, что позволило выжить старообрядчеству, фактически стать одной из опор Российского государства, особенно на этапе активной модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.), стало ясно в результате исследований последних лет².

¹ Ильин В. Г. Город, концепт, реальность (социокультурный анализ). Ростов-н/Д, 2003. С. 71.

² Ершова О. П. Старообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX в. // Старообрядчество. История, традиции, современность. М., 1994; Русакомский И. К. Московское старообрядчество: 1905 год. Храм-колокольня на Рогожском кладбище // Цветы необычайные. Народная художественная культура России рубежа веков. М., 2002; Старообрядчество в России (XVIII–XX века). Вып. 3. М., 2004; Вып. 4. М., 2010; Анаксёнок А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. Курск, 2008 и др.

Однако историческая антропология, давно освоившая образы столичных старообрядцев, на сегодняшний день располагает скудными представлениями об их единоверцах из провинциальных городов России. Ждет своего изучения и важнейшая проблема взаимоотношений официальной церкви и старообрядческих общин.

В Центральной России процесс складывания культурной среды, взаимодействия новаций и традиций прошел весьма сложный и длительный путь. Процесс этот ускорялся и замедлялся в зависимости от многих факторов, среди которых особое место занимает раскол. Это явление, как и старообрядчество в целом, нельзя рассматривать вне исторического контекста. Американский исследователь Р. Пайпс считает, что интенсивная религиозная жизнь в России началась в массовом масштабе именно с раскола³. Он констатирует: диссидентство из-за своих анархических обертонов, привлекательных для крестьянства, заставило каждого православного сделать свой выбор между официальной церковью и раскольниками и самим фактом такого выбора твердо занять определенную позицию.

Вначале грань между старообрядцами была достаточно зыбкой. Значительная часть населения России придерживалась старых обрядов, формально почитая при этом православную церковь и ее служителей. К последней трети XVIII в. у православных появилась возможность определиться: либо остаться в синодальной церкви и постепенно избавиться от старых представлений, либо порвать с ними и пополнить ряды последователей ревнителей старины. Те, кто примкнул к «старой вере», стали противниками церковных нововведений, но продолжали считать себя православными. Они стали носителями специфических религиозных течений и практик. Формировалась религиозная культура, опиравшаяся на старые обряды, свои святыни, собственную литературу, места отправления культа. Они были приверженцами своей определенной среды и идеологии. Конфессиональное размежевание в православии привело русских к двум религиозным культурам — старообрядческой и официально-православной.

Завершив конфессиональное оформление и в определенной мере преодолев к концу XVIII — началу XIX в. отношение государства к себе как к преступному сообществу, представители «ста-

рой веры» перешли на качественно новый уровень социального бытия и стали более легальной религиозной идентичностью. К примеру, при Александре I они уже обладали правом свободного строительства культовых сооружений и могли даже привлекать для своих нужд священнослужителей из рядов синодальной церкви.

Возможность приписываться к городскому сословию еще в царствование Екатерины II (с 1764 г.) способствовала развитию городских общин представителей «старой веры» и постепенному перемещению центров старообрядчества в города. В числе этих городов прежде всего назовем Москву, где староверам было по сердцу обаяние древней дореформенной столицы. В ней к концу XVII в. сконцентрировались достаточно богатые общины старообрядцев. При этом, как замечает исследователь И. К. Русакомский, жизнь официальной православной церкви, как правило, была представлена деятельностью духовенства, работами религиозных писателей и философов, сама же паства исполняла роль интерционной массы, удерживавшей церковь от резких колебаний и нововведений; в старообрядчестве же, наоборот, именно деятельность паствы (крестьян, мещан, купечества) наиболее ярко характеризовала свою церковь, тогда как духовные пастыри оставались, как правило, в тени⁴.

Вместе с тем, судьба старообрядчества в России была предопределена его скептическим отношением к господствующей церкви. Последняя, будучи тесно связанной с государством, являлась его духовной опорой, а потому любое отклонение от ее догматов рассматривалось как вызов действующей власти.

Представители официальной церкви решительно боролись против домов-молен старообрядцев, осуществляли конфискацию богослужебных принадлежностей (прежде всего икон и картин на религиозную тематику), взимали подписку с обязательством не устраивать молелен в жилых помещениях. Однако статистика императорской России сильно занижала фактическое число старообрядцев в стране. По выражению П. Н. Милокова, в России сохранилось «смехотворное противоречие официальных цифр с действительностью»⁵. Официальная церковь

⁴ Русакомский И. К. Московское старообрядчество... С. 225.

⁵ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 146.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 310.

практически не справлялась в борьбе с расколом. «Старая вера» среди крестьянства оказывалась порой гораздо авторитетнее, чем «вера по церкви».

Известно, что окончание Отечественной войны 1812 г., позволившее широким народным массам ощутить свою причастность к судьбе России, активно содействовало этому процессу. Особой популярностью пользовались известные старообрядцы, в первую очередь такие, как герой войны 1812 г. донской казачий атаман М. И. Платов. Даже в период более жесткого преследования (время правления Николая I) староверов в Московской губернии насчитывалось около 65,5 тыс. человек, а через 10 лет их стало на 5 тыс. больше⁶. По переписи 1897 г. в стране насчитывалось почти 2 млн. 140 тыс. старообрядцев⁷.

С 1841 г. контроль за представителями «старой веры» должны были осуществлять местные священнослужители. Последние имели право подвергать представителей «старой веры» «наставлениям и увещаниям», вызывать их в духовное правление или консисторию. В случае неудачи влияния со стороны представителей официальной церкви предполагалась организация полицейского надзора. Особое место в этой деятельности отводилось священникам-миссионерам, главной обязанностью которых стала не приходская служба, а антираскольническая риторика с целью увещания заблудших.

В местах концентрации староверов епархиальные власти обычно стремились построить православные храмы, туда же по возможности направлялись наиболее грамотные и хорошо себя зарекомендовавшие священнослужители. Практика распределения лучших церковных кадров в зависимости от наличия «раскола» в тех или иных приходах к середине XIX в. становится особо заметной на уровне предписаний Священного Синода.

Стремление сохранить традиционную русскую религиозно-культурную идентичность во многом зависело от позиции синодальной церкви и развития российской государственности. Особый интерес в этой связи представляет

церковная реформа Александра II (1860–1870)⁸. В своей основе она имела те же причины, что и другие преобразования, следовавшие за отменой крепостного права. Полоса реформ, в которую втягивалась Россия, вставшая на путь модернизации, неминуемо должна была захватить официальную церковь с целью укрепления как основ самодержавия, так и недопущения «своеволий» в стране.

Автором церковной реформы был министр внутренних дел России П. А. Валуев. Он считал эту реформу (началась в 1863 г.) вместе с преобразованием Государственного Совета делом всей своей жизни. Она имела целью отмену сословной замкнутости, изменение быта духовенства, отказ от опоры на светскую власть в миссионерской деятельности. Для решения практических задач реформы в июне 1863 г. Александр II утверждает в качестве специальной комиссии Главное присутствие под председательством митрополита Петербургского Исидора (утверждался пожизненно) и членов этой комиссии в составе: архиереев официальной православной церкви, присутствовавших в Священном Синоде, обер-прокурора Священного Синода, шефа Третьего отделения, министра внутренних дел, министра государственных имуществ и директора Духовно-учебного управления Священного Синода. «Присутствию поручалось найти способы: 1. К расширению средств материального обеспечения приходского духовенства; 2. К увеличению личных прав и преимуществ; 3. К открытию детям священно-церковнослужителей путей для обеспечения своего существования на всех поприщах гражданской деятельности; 4. К открытию духовенству способов ближайшего участия в приходских и сельских училищах»⁹.

Сама реформа, по замыслу П. А. Валуева, преследовала цель не только повысить статус синодальной церкви, но и укрепить ее материальное положение, ибо после реформы 1861 г. была отменена натуральная повинность прихожан в пользу местных приходов официальной православной церкви.

⁸ Этой реформе в современной отечественной литературе уделено крайне мало внимания. Между тем, она привлекла пристальное внимание западных ученых, среди работ которых следует отметить монографию американского исследователя Г. Фриза (см.: Фриз Г. Приходское духовенство в России в XIX столетии. Принстон, 1983).

⁹ Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX в. Ростов-н/Д, 1998. С. 140.

⁶ Ершова О. П. Старообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX в. С. 77.

⁷ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 377.

Собственно, поэтому в январе 1864 г. был сформирован законодательный акт, в июне принятый Государственным Советом, озаглавленный как «Положение об устройстве приходских попечительств при православных церквях». В нем речь шла о добровольных пожертвованиях в адрес приходов, но при этом признавался и обязательный сбор с прихожан, которые приняты и «составили о нем приговор»¹⁰.

Однако эта затея петербургских благоустроителей церкви явно не находила отклика в массе верующих. В абсолютном большинстве епархий удалось создать считанные единицы попечительств. Так, в 1868 г. в Московской епархии их было всего шесть. Размышляя о причинах неуспеха, обер-прокурор Священного Синода заметил, что не везде прихожане поняли смысл и значение церковно-приходских попечительств, не поняли и не приняли необходимость благоустройства приходской жизни. Поэтому, как считал обер-прокурор, завершать это дело необходимо было духовенству. Таков был неожиданный финал: дело, начатое правительством, переложили на само приходское духовенство.

Предпринимая реформу церкви во имя охранения основ самодержавия, власть пыталась повысить в народе авторитет православного прихода, что особенно важно было для тех территорий, где проживали старообрядцы. Казалось: избавь духовенство от унижительной необходимости выпрашивать плату за определенную работу, предоставь ему возможность учить крестьянских детей (чему весьма активно затем противилось земство) — цель будет достигнута. Увы, на практике все пошло иначе. Создаваемые по указке сверху попечительства приводили к сокращению приходов и причтов далеко не по доброй инициативе самих верующих. Эта практика, по сути, стала еще одним памятником грубого вмешательства государства в жизнь официальной православной церкви.

К концу XIX в. отношение к духовенству со стороны населения страны стала меняться. Особенно это было заметно по выпускникам духовных учебных заведений. Из их среды выходило все больше учащихся, зараженных политическим радикализмом. Дети духовенства, даже окончившие полный курс семинарии, нередко стали поступать в светские высшие и специаль-

ные учебные заведения, особенно на историко-филологические и юридические факультеты российских университетов. Особое внимание этих выпускников привлекал Императорский Московский университет. В 1880 г. число подобных выпускников составило 34,5% от общего состава учащихся¹¹.

К сказанному следует добавить, что Д. А. Толстой, совмещавший пост министра народного просвещения и должность обер-прокурора Священного Синода, с конца 1870-х гг. стал переводить церковно-приходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Именно в силу этой тенденции было отмечено в дальнейшем появление детей старообрядцев в государственных школах, которые давали учащимся более широкий круг изучаемых предметов. Образование, получаемое подрастающим поколением старообрядцев в их собственной среде, становилось все менее востребованным.

Приступивший к работе в 1880-е гг. новый обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев стремился внести свою лепту в совершенствование синодального управления и сферу русского просвещения. Он в письме Александру III писал, что «народ предпочитает кабаку православному храму»¹². В то же время старообрядцы, скептически относившиеся ко многим подобным явлениям в жизни россиян, проводили свои богослужения по старым образам, утвержденным Стоглавым собором 1551 г. Поэтому Победоносцев считал представителей «старой веры» внутренним кровным врагом.

Но кипучая деятельность К. П. Победоносцева не решила ни проблем синодальной церкви, ни иных сугубо политических задач. Перед православной церковью к началу XX в. вновь была поставлена задача преобразований с учетом и юридических изменений в положении представителей «старой веры» в российском обществе. Представители всех протестных форм вероисповедания в России всегда старались избежать государственного надзора. Для староверов (прежде всего из купеческого сословия) наибольшую важность в общине имело единство всех материальных и нравственных сил. Этим руководствовались такие хорошо известные в

¹¹ Там же. С. 202.

¹² Победоносцев К. П. Письма Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 126.

¹⁰ Римский С. В. Православная церковь и государство... С. 178.

нашей стране представители старообрядчества, как Рябушинские, Морозовы, Зимины, Большаковы, Кузнецовы, Хлузовы и др. Эти люди пользовались большим уважением в стране, а их предпринимательская и хозяйственная деятельность приобрела в какой-то мере и сакральное значение, полностью оправдывая себя с точки зрения религии и нравственности.

Духовная ценность труда, «мирская аскеза», бережливость, присущие старообрядческой культуре, а также стремление оберегать и возвышать «древнее благочестие» часто приводили к хозяйственным успехам и заставляли современников говорить о богатстве староверов. При этом состоянии их зажиточных одноверцев рассматривалось нередко не столько как частная собственность, сколько как достояние общины.

Культура их хозяйственной деятельности в условиях капитализации человеческих отношений в России, особенно в конце XIX – начале XX в., для староверов не были особо характерны. Тем не менее, они не остались полностью изолированными от изменений, которые происходили в стране. Именно в старообрядческой среде благодаря ее корпоративной спаянности были заложены основы кредитно-финансовых отношений. Возможно, поэтому выше упомянутый американский исследователь Р. Пайпс ввел в свою монографию «Россия при старом режиме» главу с названием «Буржуазия, которой не было».

Изменения коснулись в первую очередь предпринимательской деятельности староверов и обусловлены были, с одной стороны, традиционным для них отношением к воспроизводству, столь характерному для патриархального общества. С другой стороны, появление более современных технологий, особенно в строительном и фабричном делах, совпало в стране с появлением новых российских законов, изменивших положение староверов в системе общественных отношений: прежде всего это закон 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб», а также весьма действенные законодательные акты 1905–1906 гг., уравнившие староверов в правах с остальным населением России и предоставившие им независимость в религиозной сфере.

Отношение официальной церкви к старообрядчеству как отдельной конфессии долго оставалось негативным. Лишь с 1905 г. административно-

политические меры против «старой веры» были прекращены. В распоряжении представителей духовенства государственной религии в отношении староверов остались лишь меры духовного воздействия. На практике в приходах отдельные священнослужители официальной церкви ратовали за проведение собора, подобного тому, который в XVII в. отлучил представителей «старой веры» от официально-православной церкви.

Иная ситуация была в Богородске, где весьма успешно предпринимательской деятельностью занимался один из представителей старообрядчества – Арсений Иванович Морозов (1850–1932). Богатый фабрикант, владелец крупнейшей фабрики – Богородско-Глуховской мануфактуры, имел связи в правительстве и регулярно переписывался с П. И. Столыпиным. В старообрядческом мире он прославился активной поддержкой «древнего благочестия» и широкой благотворительностью.

«В одном лишь Богородске и его предместьях после 1905 г. А. И. Морозов построил 4 старообрядческих храма, а во всем Богородском уезде благодаря его стараниям было отстроено и освящено около 15 храмов. Фабрикант выделялся и своим заботливым отношением к рабочим, являвшимся, в основном, старообрядцами. К началу Первой мировой войны в Глухове сформировался уникальный социально-бытовой комплекс, включавший в себя, помимо жилых домов, больничный городок, аптеку, школы и училища, церкви, клуб приказчиков, библиотеку, глуховский парк на берегу Черноголовского пруда для отдыха и развлечений работавших на фабриках Морозова людей»¹³.

А. И. Морозов в Богородске представлял собой наиболее яркую и цельную фигуру староверов более позднего периода. Этот период дал России из этой конфессии крупнейших промышленников, банкиров, меценатов, представителей тех деловых кругов, которые так ярко проявили себя в начале XX в.

16 апреля 1905 г. московский генерал-губернатор получил телеграмму: «...Да послужит столь желанное старообрядческим миром снятие долговременного запрета новым выражением Моего доверия и сердечного благоволения старообрядцам, искони известным своею непо-

¹³ Апанасенок А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье... С. 153.

колебимую преданностью престолу. Да благословит и умудрит их Господь с полной искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям русской православной церкви и прекратить соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только церковь. Николай II»¹⁴.

Это признание со стороны императора пришло в начале XX в., когда бурно развивавшиеся общественные структуры стремились исправить все исторические несправедливости в государственном устройстве России. Память о предше-

ствовавших этому времени унижениях и административных преследованиях вызвала у старообрядцев естественное желание компенсировать свои потери как в духовном, так и социальном отношении. В 1908 г. в России насчитывалась уже тысяча только зарегистрированных старообрядческих общин, было проведено несколько съездов различных старообрядческих согласий¹⁵. Для господствующей церкви старообрядческий мир оставался серьезным конкурентом, влиявшим на сохранение народных религиозно-бытовых устоев, организацию хозяйственных структур и даже на технический прогресс.

¹⁴ Макаров В. Е. Очерки истории Рогожского кладбища в Москве. М., 1994. С. 21.

¹⁵ Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1995. Т. 4. С. 279–280.

Список литературы:

1. Апанасёнок А. В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. Курск, 2008.
2. Ершова О. П. Старообрядчество Москвы и Московской губернии в середине XIX в. // Старообрядчество. История, традиции, современность. М., 1994
3. Ильин В. Г. Город, концепт, реальность (социокультурный анализ). Ростов-н/Д, 2003.
4. Макаров В. Е. Очерки истории Рогожского кладбища в Москве. М., 1994.
5. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.
6. Милуков П. Н. Очерки истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. М., 1994.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
8. Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1995. Т. 4.
9. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX в. Ростов-н/Д, 1998.
10. Русакомский И. К. Московское старообрядчество: 1905 год. Храм-колокольня на Рогожском кладбище // Цветы необычайные. Народная художественная культура России рубежа веков. М., 2002
11. Старообрядчество в России (XVIII–XX века). Вып. 3. М., 2004; Вып. 4. М., 2010.

References (transliteration):

1. Apanasenok A.V. «Staraya vera» v Tsentral'nom Chernozem'e: XVII – nachalo KhKh veka. Kursk, 2008.
2. Ershova O.P. Staroobryadchestvo Moskvyy i Moskovskoy gubernii v seredine XIX v. // Staroobryadchestvo. Istoriya, traditsii, sovremennost'. M., 1994
3. Il'in V. G. Gorod, kontsept, real'nost' (sotsiokul'turnyy analiz). Rostov-n/D, 2003.
4. Makarov V. E. Ocherki istorii Rogozhskogo kladbishcha v Moskve. M., 1994.
5. Mel'nikov F. E. Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) Tserkvi. Barnaul, 1999.
6. Milyukov P. N. Ocherki istorii russkoy kul'tury. T. 2. Ch. 1. M., 1994.
7. Palamarchuk P. Sorok sorokov. M., 1995. T. 4.
8. Payps R. Rossiya pri starom rezhime. M., 1993.
9. Rimskiy S. V. Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo v XIX v. Rostov-n/D, 1998.
10. Rusakomskiy I. K. Moskovskoe staroobryadchestvo: 1905 god. Khram-kolokol'nya na Rogozhskom kladbishche // Tsvety neobychaynye. Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura Rossii rubezha vekov. M., 2002.
11. Staroobryadchestvo v Rossii (XVIII–XX veka). Vyp. 3. M., 2004; Vyp. 4. M., 2010.